

МОДЕЛИ «ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО» ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVII–XIX вв.

Модели «общеславянского» литературного языка, порожденные в разное лингвистическое время и в разных лингвистических пространствах, традиционно воспринимаются как факты периферийной языковой и метаязыковой рефлексии. Между тем представляется возможным и даже необходимым рассматривать опыты создания «общеславянского» литературного языка как реализацию рефлексии тех исторических эпох, доминантой которых был культурно-языковой универсализм, требовавший разрешения с л а в я н с к о г о в о п р о с а, основанного на памяти о едином литературно-языковом прошлом. В ранг «сильных» источников, адекватно раскрывающих характер движущегося во времени с л а в я н с к о г о в о п р о с а, могут быть возведены грамматические сочинения, которые представляют одновременно и образец «общеславянского» литературного языка и его объяснение, т.е. потенциально задают стереоскопическую интерпретацию. При изучении такого рода источников представляется необходимым применить интегральный подход, позволяющий представить модели «общеславянского» литературного языка как структурно-функциональные данности, явившиеся результатом концептуально оправданной языковой и метаязыковой рефлексии создающих культуру творческих личностей.

«Общеславянский» литературный язык XVII в.: модель Ю. Крижанича

В XVI–XVII вв. с л а в я н с к и й в о п р о с имел к о н ф е с с и о н а л ь н ы й характер, ибо его сутью была идея преодоления духовной «двойственности» славян.

Возвращение славян в единое духовное пространство, т.е. сближение славяно-греческого и славяно-латинского духовных пространств, мыслилось как важнейший этап в системе моделируемого Римом конфессионального подчинения греческого мира латинскому. Подготовка к завершению «глобальной Унии», проводимая миссионерами Конгрегации пропаганды св. веры в православных странах, заключалась в объяснении и обличении «неправильного отношения» друг к другу двух составляющих христианства – православия и католичества. Осознание православными славянами «неправильности», обусловленной разделением церквей, и осознание необходимости преодоления этой «неправильности» было возможно, по мнению миссионеров, посредством

замены восточного греческого типа просвещения западным – латинским типом просвещения. В свою очередь, снятие дистанции между восточным и западным просвещением было осуществимо только через язык, ибо в эту эпоху язык выступал как способ познания, т.е. познавая язык, можно было приблизиться к познанию как к процессу постижения причинно-следственных отношений¹.

Регулятивное положение языка в структуре познания мотивировало систематическую языковую и метаязыковую рефлексию, явленную в форме критики и анализа как собственно языкового материала, так и моделей, описывающих этот языковой материал. Потенциально являясь сферой критики и анализа, каждый язык призван был стать образцом функционального и формального порядка. Ведущая роль принадлежала функциональному порядку, который определял необходимость построения исходной функционально-генетической иерархии, задававшей любому языку «свое» место в бытии и истории. Только внутри предустановленного функционального порядка мог реализоваться формальный порядок, достигавшийся посредством своеобразной селекции языковых элементов, целью которой была гармония означаемого и означающего. При невозможности достижения гармонии средствами одного языка допускалась поддерживающая трансляция элементов из другого, иерархически заданного языка.

Проявляемые в процессе критики и анализа познавательные интенции были направлены не столько на классические языки, сколько на возникающие «простые» литературные языки, формально-семантическая «однорядковость» которых должна была определять доступность познания для людей «простых», «непросвещенных». Усиление рефлексии в отношении «простых» литературных языков приводило к изменению оценочных ориентиров, поскольку авторитет мысли о изначально авторитетных классических языках дополнялся авторитетом мысли о «простых» языках, нуждавшихся в обретении формально-функционального достоинства (*dignitas*). Устанавливаемое таким образом «со-бытие» авторитетных мыслей нарушало устойчивость метаязыковой традиции и мотивировало процесс метаязыкового реплицирования, зафиксированный в грамматиках «простых» языков, представлявших собой своеобразные конкурирующие проекты исчерпывающего упорядочивания языкового материала.

Таким образом, «пространство встречи», славяно-греческого и славяно-латинского миров, мыслимое как единение через подчинение, сначала должно было стать «пространством правильного языка», чтобы потом стать «пространством правильной веры».

Выразителем идеи создания конфессионально мотивированного «общеславянского» литературного языка традиционно считают хорвата Ю. Крижанича, известного своими лингвистическими сочинениями «*Објасньѣнје вйводно о пйсмѣ Словѣнском*» (1660–1661) и «*Грамаѣично изкѣзанје об рѣском језику*» (1666)².

Характеризуя Ю. Крижанича как «вдохновенного проповедника славянского объединения XVII в.», исследователи все же отмечают его «лингвистическую загадочность», не позволившую до сих пор решить вопрос о структурно-функциональном статусе декларированного им литературного языка, который определяется либо как «равномерная смесь» нескольких славянских языков, либо как модификация хорватского или русского языка³. Одной из веских причин столь разных суждений служит недостаточное понимание экстралингвистической и лингвистической мотивации замысла Ю. Крижанича, и, как следствие, недостаточное понимание структуры и функции предлагаемого им варианта литературного языка. В этой связи представляется необходимым, основываясь на знании культурно-языковых доминант XVII в., реконструировать процесс языковой и метаязыковой рефлексии Ю. Крижанича, выявляя его концептуальную направленность. Источниками для такого рода восстановительной работы являются не только собственно лингвистические сочинения Ю. Крижанича, но и другие его сочинения⁴, прежде всего историко-философский трактат «Политика» (1663)⁵ и его официальные послания, обращенные к конфессионально полярным адресатам – членам Конгрегации пропаганды св. веры и к русским царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу⁶. Выявленные в этих текстах «теоретические лингвистические проговорки», сведенные в определенную теоретическую программу, позволяют приблизиться к пониманию причины и цели языковой и метаязыковой рефлексии Ю. Крижанича.

Отправной точкой для реконструкции концептуально направленной языковой рефлексии Ю. Крижанича является его собственное обоснование своей будущей миссионерской деятельности в Московской Руси, которую он осмыслял как принципиально просветительскую: «Я считаю москвитян не за еретиков или схизматиков (так как их схизма происходит не из настоящего корня схизмы, не из гордыни, а из невежества), я считаю их за христиан, введенных в заблуждение по простоте душевной... и потому я полагаю, что отправиться для собеседования с ними не значит еще идти проповедовать веру (каковое дело я никогда не помыслил бы взять на себя), а значит лишь увещевать их добродетели к наукам и искусствам, по введении каковых было бы уже более легким делом указать их заблуждение и обман, что и составит задачу уже иных мужей, исполненных добродетелей и вдохновения» (Записка к главам коллегии св. Афанасия, 1641 // КвР, 57). Поскольку в деле просвещения «не следовало пренебрегать низшими из свободных наук», Ю. Крижанич предполагал начать именно с «грамматики», желая «полѣзно дѣло сотворитъ» «ко изправльѣнїѹ ,ко изтежѣнїѹ, и къ совершѣнїѹ језїка», ибо только совершенство языка ведет «ко ѹразѹмльѣнїѹ всѣхнїх благоговѣјнїх отѣчскїх дѹм, и дѹши спасајѹщ совѣтов» (ГИ, V).

Стремление Ю. Крижанича не «проповедывать веру», а «увещевать добродетели к наукам», прежде всего к «грамматике», явилось реализацией традиционных представлений о соотношении «мудрости

духовной» и «мудности мирской», заключающейся в познании «причины вещей» посредством совершенного языка.

Возможность осуществления языковой просветительской программы была определена, по свидетельству самого Ю. Крижанича, его достаточной языковой компетенцией, поскольку он знал «четыре языки свершено: словенскі, латынскі, немецкї, итальянскі, и другіе четыре языки несвершено: греческї писменны, греческї просты, полскї и венгерскї» (Письмо-представление царю Алексею Михайловичу, 1659 // КвР, 91).

В свою очередь характер и объем языковой компетенции Ю. Крижанича определял характер и объем его метаязыковой компетенции. Овладение в процессе формального обучения языками как "грамматикой", т.е. системой алгоритмических правил, позволяло Ю. Крижаничу структурировать любой языковой материал, а непосредственная включенность в языковую ситуацию Западной Европы, прежде всего Италии, мотивировала не только знание лингвистических концепций («*Questione della lingua*»), но и возможность распространения концептуализирующей мысли на языковую ситуацию Московской Руси. Так, факт использования в коллегии в Болоньи, где учился Ю. Крижанич, в качестве учебного пособия трактата П. Бембо «*Prose della volgar lingua...*»⁷, свидетельствует о знакомстве Ю. Крижанича со спорами «тосканистов» и «итальянистов»⁸ и объясняет его сравнение «московского языка» (русского языка) как потенциальной основы общего для всех славян литературного языка с «тосканским языком» как основой общеитальянского языка.

Желание и готовность Ю. Крижанича служить делу исправления русского языка нашло государственную поддержку, поскольку вторая половина XVII в. являлась временем тотальной и многоуровневой книжной справы⁹: «А вельено мнѣ книги писать, Алфавит истинны(й) славянскаго јазика составить и граматикѣ изправить» (Челобитная царю Федору Алексеевичу с изложением всех служб государству, 1676 // КвР, 177).

Необходимое и возможное «граматично радїнје» мыслилось Ю. Крижаничем как постепенный системно реализуемый процесс осмысления и кодификации языкового материала: критика – «разсѣжанје», анализ – «објасньѣнје» (потрѣбно вѣдѣше о всакоєм прѣвратѣ ѳзвѣдно докѣзѣт от когѣ, како и зашто вѣ учиньен сѣ прѣврат), кодификация – «кратка правила» (Об., 27, 29).

Однако «включение» Ю. Крижанича в «грамматическое дело» русского языка требовало предварительного функционального осмысления этого языка. В соответствии с требованием функционального порядка Ю. Крижанич представил сначала функционально-генетическую иерархию славянских языков, разноуровневыми центрами которой явились два языка – русский язык и хорватский язык.

Русский язык:

«Рѣско плѣме и јме јест остѣлним всїм вершїна и коренїка... Ј

сице не Руска отмина Словинскије отмини плад: негб Словинска, и Чешска, и Лешска отмина, јесут Руского језика отрдки» (ГИ, II).

«славно Руско господарство... а гди јест краљевствено дило, и нардно законоставање, во својем језику љстројено: тамо језик обикајет бит обилнији, и от дне творитсе стројнији». (ГИ, III).

Хорватский язык и сербский язык:

«Сербљани и Хервати сѣт изгѣвили своју дѣдинску бесидѣ... али пак то не везди во љјездѣ Дѣвовца и Озља и Ривника острогов... сохранило се јест Херватско и Сербско вольдарство, ј кѣлико јест још досега остало старого зачалного и чистого изрикѣња».

Чешский язык:

«Ѣ Чѣхов језик немало закальен».

Польский язык:

«Ѣ Лѣхов половина ричѣв јест от ѣних разнитих језиков при-мѣшена».

Болгарский язык:

«Ѣ Болгар нѣст Чесо искѣт тако во тамо језик јест изгѣвьен, да мѢ једва слѣд остајет» (ГИ, III).

Провозглашенное генетическое главенство русского языка, явление как результат генетического главенства русского народа, мыслилось Ю. Крижаничем как объективно данное состояние, зафиксированное классическим историческим знанием («давниим Грѣским и Римским писателем јест било пѣзнано, и чтѣтсе въ старѣх кнѣигах написано» ГИ, I) и принятое новой исторической наукой («Мартин Кромер (Stomer M. De origine et rebus gestis polonorum, 1555) обо всего словинского народа початку пишѣт... вси ти народи произыдоша из Русси»)10.

Установленная генетическая значимость русского языка поддерживалась, по мнению Ю. Крижанича, реальной функциональной значимостью, поскольку автохтонная и авторитетная государственность на Руси мотивировала ситуацию, когда все государственные дела оформлялись на русском языке («домѣшним језиком вѣвајѣт отпрѣвљана» ГИ, IV). Именно «самовладство», обеспечившее государственную защиту русского языка, создало условия для того, чтобы окончательно «стереть плесень древней дикости» и «научиться наукам», на что указывали, по свидетельству Ю. Крижанича, все западные политики и историки XVI–XVII вв., являвшиеся приверженцами «римской веры», а не «лютеровој ереси»: «Герберштейн, Пернштейн, Поссевино и Джовио были людьми римской веры» (II, 137, 184–185; см.: S. Herberstein. *Regum Moscoviticarum Commentarii*, 1549; Pernisteri *Relatio de Magno Moscoviae Principe*, 1579; A. Possevino. *Moscovia*, 1586; P. Giovio. *Libellus de Legatione Basilii magni... ad Clementem VII*, 1525).

Приведенная Ю. Крижаничем система доказательств должна была свидетельствовать о том, что «абсолютное» генетическое и функцио-

нальное превосходство принадлежало русскому языку, который понимался Ю. Крижаничем как реальный язык, напрямую соотношенный с языком-основой и употреблявшийся в качестве официального языка Русского государства.

Что касается хорватского языка, то он обладал лишь локальным «относительным» преимуществом, определяемым субъективными представлениями самого Ю. Крижанича как носителя чакавского диалекта: «стѣроје зачалноје и чистоје изрикѣнје... тамо се јест овритѣло, за мојегб дитѣинства» (ГИ, Ш).

Предустановленное бесспорное функционально-генетическое главенство русского языка мотивировало, по логике Ю. Крижанича, его право стать культурно доминирующим языком, общепонятным для всех славян («общим језіком дави от всіх било разѣмљенд» ГИ, П). Однако само это право диктовало русскому языку обязанность стать структурно совершенным, т.е. обладание функциональным достоинством вызывало необходимость обретения формального достоинства, ибо ни один язык не мог быть изначально совершенным: «...Ниједен јазик не вѣаше изконн вѣка, и тѣтже на своѣм почяткѣ совершен. Ј николиже непостѣнет јазик сѣ сличен, стрѣжен, и кѣ разумному кобему писанју и говѣренју пригоден, доколингбд не истяжитсе» (Об., 29). Исконное «несовершенство» русского языка, как любого другого языка, усиливалось, по мнению Ю. Крижанича, приобретенной «неправильностью», обусловленной тем, что русский язык в своем историческом движении разделился на три языковые данности: разговорный язык Московской Руси («Рѣскии ѣвции, и подлиннии, кони на великои Рѣси говѣрят»), разговорный язык Юго-Западной Руси («Бѣлорѣскии, кий јест нѣкое мѣрзко смѣшанје из Рѣского и Лешкого»), и книжный церковнославянский язык («Книжннии, или Прѣводничкии, кий тако же јест мѣшанина из Грѣческого да Рѣского дрѣвнього») (Об., 28). Формально-семантическая дистанция между книжным и разговорным языком, а также между локальными вариантами разговорного языка нарушила, по мысли Ю. Крижанича, прежде всего грамматический уровень, поскольку обширная вариативность формантов привела к «размыванию» семантики («мало разѣума» дают «завершанја ричѣм»). В этой связи содержанием процесса, определенного Ю. Крижаничем как «граматично радѣнје», должна была стать многоуровневая селекция грамматических форм, направленная на достижение русским языком формально-семантической «однопорядковости», оправданной с точки зрения происхождения («Всѣкии во језік јмајет своја властѣта правила, разнѣта от јних: и неможетсе по јного језіка ѣзбрах илити правилех исправлат» ГИ, V), употребления (правильные формы «повсѣдним обѣчајем ѣкрѣпљени» Об., 35), и структуры (правильные формы «по нѣжѣ и сѣ разумом чинят разлѣченје» Об., 51).

В процессе «грамматической работы» элиминации должны были

подвергаться языковые элементы, рассматриваемые Ю. Крижаничем как «заимствованные» (грецизмы – «овејанство по обзбру на Грѣцскиъ језикъ» и полонизмы – «лешскије сказа»), неупотребительные («нитъ въ работѣ ни во уживаньи») и употребительные, но порождающие омонимию («протѣвни разуму») или синонимию («по извѣткѣ»). При этом максимальное внимание должно было уделяться грамматическим категориям рода и числа, правильное функционирование которых, являлось, в соответствии с риторическими установками, признаком «чистоты» речи – языка.

При невозможности достичь формально-семантической «однопорядковости» средствами русского языка допускалась «поддерживающая» трансляция в русский язык средств хорватского языка как второго по «чистоте» языка, т.е. при доминантном соотношении «рѣска отмина // хрватска отмина = липље // липо» периферийно проявлялось соотношение «рѣска отмина // хрватска отмина = липо // липље».

Соединение результатов селекции русских языковых элементов и трансляции хорватских языковых элементов должно было привести к образованию единой структуры, минимальная гибридность которой может быть определена как «вертикальное соединение» языковых элементов иерархически заданных систем:

русский язык
[хорватский язык]

Реконструированные теоретические установки, определившие путь достижения русским языком формального порядка могут быть верифицированы на конкретном языковом материале, например, на материале имен существительных, наиболее детально представленных в грамматике Ю. Крижанича.

Имя, определенное Ю. Крижаничем как «једен рѣднл бесѣдн, јлнти рѣч, кбјеју се зоветъ всѣка вѣщ, видна и невидна», обладает грамматическими категориями:

рода («Плѣме јестъ трбје. Мѣжскѣ. Объ братъ мѣдъ драгъ. Жѣнско. Обѣ сестра моја драга. Нијединско. Обѣ дѣтѣ моје драго.»),

одушевленности/неодушевленности («Јмена знаменујущије дѣшатије и недѣшатије»),

числа («Числѣ јестъ трбје. Јединично. Чловѣк. Множинно. Лѣуди. Двоично. Ми два чловѣка.»),

падежа («Прѣгнѣвов јестъ седѣм. Јменникъ, кбѣмъ се что јменујетъ. Братъ. Зовникъ, кбѣмъ что признајемъ. Объ братѣ. Крозникъ јдетъ за предлбжкомъ крозъ. Крозъ братѣ. Јзкерникъ јдетъ за предлбжкомъ јзкеръ. Јзкеръ братѣ. Придѣвникъ за предлбжкомъ при. При братѣ. Протѣвникъ за предлбжкомъ противъ. Противъ братѣ. Орѣдникъ за предлбжкомъ со. Со братомъ.» (ГИ, 2, 3).

Склонение имен существительных как изменение по падежам и числам представлено шестью формальными классами («Первий ѱзор јмѣн мужскѣх, јдущих на негласници тонкѣ. Брат. Втрорнѣ мужскѣх, јдущих на шумници. Кралѣ. Трѣтѣи жѣнских и мужскѣх, јдущих на А. Рѣба. Владѣка. Четвѣртнѣ жѣнских, јдущих на негласници. Рѣч. Пѣтнѣ ниједѣнских, јдущих на О. Лѣто. Шѣстнѣ ниједѣнских, јдущих на Ё. Лѣце.») (ГИ, 3).

Дистанция между книжным и некнижным языком проявлялась на уровне грамматических категорий в реализации грамматической категории одушевленности/неодушевленности и грамматической категории числа.

Так, грамматическая категория одушевленности/неодушевленности в книжном языке получала у сущ. м. формальное выражение в грамматической позиции В. ед., а в разговорном языке в грамматических позициях В. ед. и В. мн. Расширение сферы реализации грамматической категории одушевленности/неодушевленности интерпретировалось Ю. Крижаничем как неудачная попытка снятия омонимии между И. мн. и В. мн. у сущ. м. Формально-семантическое ослабление русского языка как в книжном, так и разговорном регистре, проявлявшееся в невозможности достижения в грамматической позиции В. мн. полной «прозрачности», могло компенсироваться, по мнению Ю. Крижанича, за счет трансляции формы из хорватского языка. Кроме того, Ю. Крижанич не допускал расширения реализации грамматической категории за счет сущ. ж. и ср. рода.

«От јмѣн знаменѣјущих Дѣшатнѣ илѣти Живѣщнѣ вѣщи, крозник ѣдет на А. Хвалѣте госпѣда. Тѣж вивѣјет и ов мертвих особах. Погревѣше метрвѣца или мертвѣ чловѣка. А от знаменѣјущих Недѣшатнѣ вѣщи, крозник се творѣт једнак јменникѣ. кроз град. Снѣцеже јдѣт и кѣја незнаменѣјѣт дѣшатнѣ осѣв по једѣнѣ, но по вноѣѣ. нѣрод, совѣр, скѣт, пѣлк.

А Рѣсјани и Лѣхи творѣт крозник вножѣннѣ на И и не мѣгѣт разлѣчѣт крозника от јменника и вноѣо крѣт ѣм постајет недѣбно разѣмѣнѣ. и по нѣже нѣкогда морѣјѣт ѣживѣт јскерника вѣместо крозника, и говорѣт сѣце.

Повѣли сѣт Пѣрси Тѣрков. вѣместо недѣбного изрѣченѣя снѣцева.

Повѣли сѣт Пѣрси Тѣрки.

А по Хервѣтскѣ без недѣбмѣя снѣце се изрѣкајет.

Повѣли сѣт Пѣрси Тѣрке».

А вѣ жѣнском и вѣ ниједѣнском плѣмену нѣмѣжет Јскерник стојѣт вѣ крозника мѣсто. Призовѣи мѣѣих сѣстѣр. него лѣше, призовѣи мѣѣ сѣстри. или сѣстрѣ (ГИ, 7, 11).

Различие в реализации грамматической категории числа было основано на разном составе членов категории, так как в книжном языке

грамматическая категория числа была построена на оппозиции единственное число // двойственное число/множественное число, а в разговорном языке на оппозиции единственное число // множественное число. Установка на употребительные формы отразилась в выборе оппозиции единственное число // множественное число: «Двои́чно число нікакові́же користи, ніт липоті́ језі́кѹ непривавля́јет, него ліше чині́т сметѣ́нїє и вно́го небу́дбе́» (ГИ, 123).

Уровень средств выражения демонстрировал различия книжного и разговорного языка с точки зрения происхождения, характера употребления и внутренней организации грамматических форм. Снятие дистанции происходило за счет элиминации грамматических форм, воспринятых Ю. Крижаничем как «заимствованные», неупотребительные, употребительные, но порождающие омонимию или синонимию. Проведенная генетическая, функциональная и структурная селекция получила отражение в доминантных правилах, которые могут быть сведены в единый концептуально направленный кодекс.

При этом необходимо снабдить реконструированные правила минимальным комментарием для достижения двойного видения материала: "внутреннее видение", представленное в системе правил Ю. Крижанича, непосредственно соотносится с «внешним видением», представленным в комментарии и являющим собой результат наложения на материал современной научной сетки.

Селекция именных грамматических форм

1. правила јнх језіков → своја правила

Зовняк јед. јмен м.

Јмена Грѣска, кбја Ѹ Грѣков јдѹт на ОѢ, а Ѹ нас на АЬ, ЁЬ, ИЬ, ОЬ и на Р, баѹдно се творѣт Ѹ нас на Ё (ГИ, 7).

о Николаѣ → о НиколајѸ

Зовняк јед. јмен м.

Преврѣтно Лѣхи от кончїни К, творѣт зовняк на Ѹ. Ѣ простаку, Ѣ чловѣкѸ, Ѣ ученїку. І Смотрицкїнь пїшет, Ѣ Мѣрку. Реци, Ѣ простаке, Ѣ чловяче, Ѣ Марко.

Јзкерник јед. јмен м.

правила отношения форм: «заимствованные» → формы

→ «исконные» формы

З. ед. сущ. м.

формы на Ё → Ѹ

З. ед. сущ. м.

формы на Ѹ → Ѣ

Р. ед. сущ. м.

Лѣхом и Билорѣсјаном обѣчен,
а словѣнскоѣ рѣчи скѣзен и
негбден јест Јзкерник на Ѹ
(ГИ, 151).

дбмѸ → дбма

Орѣдник вн. јмен м.

Придѣвник вн. јмен м.

Нѣмци и Жидови јесѸт Ѹ Ле-
хов наш језик мѣрзко сказѣли,
а Билорѣсјани сѸт того скаже-
нѣя вного зѣвзели и на сем
мѣстѸ чинѣт нестерпен прѣ-
врат, јеже бѣ прѣгнѣ творѣт
на **АМИ**, а придѣвник на **АХ**
(ГИ, 16).

братами → братми

братах → братѣх

2. неѸживано правило →
Ѹживано правило

а) обично правило

Крозник вн. јмен м.

Мѣрзко и блѸдно се чтѣт въ
нѣкобѸх мѣстѣх постављено
ЈА или **А** (ГИ, 12).

телца → телци или телцѣ

Јзкерник јед. јмен ж.-м.

Јменник, Зовник вн. јмен
ж.-м.

Крозник вн. јмен ж.-м.

Јмена јмѣѸща Тонкије зна-
ковници чинѣт Јзкерник на **И**,
а јмена јдѸща на **ШѸмнје**
знаковници творѣт Јзкерник
јединичниъ и Јменник да
Зовник вножѣнније мѣжскѣ на
Ї, а жѣнскѣ на **А**. **А** крозник
вножѣнниъ мѣжскѣ на **Ы** или

формы на **Ѹ** → **А**

Т. мн. суц. м.

П. мн. суц. м.

формы на **АМИ** → **МИ**

формы на **АХ** → **ѢХ**

правила отношения форм:
неупотребительные формы →
употребительные формы

а) стандартные формы

В. мн. суц. м.

формы на **Ы** / **А(А)** → **И**
или **Ѣ**

Р. ед. суц. ж., м.

И., З. мн. суц. ж., м.

В. мн. суц. ж., м.

формы на **Ы** / **А**, **И** → **И**

формы на **Ы** / **А**, **И** → **И**

формы на **Ы** / **А**, **А**

или **Ы** → **И**

Ѧ, а жѣнска једѣно на Ѧ. МѦ пак такоѡа прѡвила нехѡдѡим, зѡто јез бесѣдѡ чинѣт двој-вѣнѡ и неизразѡмѡ, и сѡшит мѣрзкѡ. Ѧбо гдѣ јест трѣѡа разлѣчно чинѣт прѣ-гѣѡом окончанјѣ тѡмо нѣст разнѣци, рѣкши меж Јменнѣ-кѡм јединѣчним и меж про-изводнимѣ прѣгѣѡѡи, кѡѡи по тѡм прѡвилѡу всѣ једнакѡ изхѡдет на Ѧ (Ѧ). Ѧ свѣрх тогѡ такоѡа неразлѣчногѡ творѣнја на Ѧ ѡлѡти на Ѧ нигдѣже нѣст ѡ ѡбщѣм ѡѡдском говорѣнјѡу, рѡзѡн-лѣше ѡ Ѧѡѡв јест нѣчто томѡу спѡдѡѡно. Рѡсјѡни бо всѣје тѣ-је прѡизѡдѡније прѣгѣѡѡѡ јед-нѡкѡ и ѡѡпо творѣт на Ѧ, хѡщ сѡ тонкѣми, хѡщ со шѡмнѣми негласнѣцѡми и изрѣкѡјѡт дѡѡрѡ сице. Тѡ завершѡнје јзкернѣка на Ѧ ѡѡбо на Ѧ, тако јест мѣрзкѡ, негѡдно, да ѡсѡмо је морѡли нарѡчно ѡѡ пѣсѡмѡу замѣтѡт, хотја ѡи ѡно и ѡ ѡбщѣм говорѣнјѡу ѡѡло ѡжѡѡѡно (ГИ, 18–19).

от дѡшѡ → от дѡши

дѡшѡ → дѡши

Прѣдѡѡѡнѣк, Прѡтѡѡѡнѣк јед-јмен ж.

При тонкѣх Ѧ, а при шѡмнѣ-нѣх Ѧ. Ѧли пак нѡм нѣст прѣ-гѡдно тако ѡо разѡѡрѡнје, нѡ пѡче всѡ јмена сѣго прѣтѡѡѡѡ ѡѡгѡтсѣ ѡѡдѣ кончѣт на Ѧ. Прѡтѡѡѡнѣк јединѣчнѣѡ јест прѣдѡѡѡнѣкѡу ѡо всѣм једнѡк (ГИ, 20).

П., Д. ед. сущ. ж.

формѡ на Ѧ/Ѧ → Ѧ

рѣѣ, стражи →
рѣѣ, стражѣ

Придѣвник јед. јмен м.

Придѣвник вн. јмен м.,

н.

брѣѣ, краљѣ → брѣѣ,
краљѣ

брѣѣх, краљѣх →

брѣѣх, краљѣх

б) особито правило

Особито претварѣње јмен н.

Дѣла јмен јмајућих прираст-
ки **ѢА, НА, ТА** Ѣмтрицкѣ
кладѣт особито претварѣње.
А претварајућесе всѣ та јмена
правилно (ГИ, 24–25).

Ово слово

От словесе → от слова

При словеси → при словѣ

Ко словеси → ко слову

Со словесѣм → со словом

Јзкерник јед. јмен м.

камене → камена

пѣти → пѣта (ГИ, 7).

Јменник вн. јмен м.

А јније кончинѣ на **ИѢ** и на **Ѣ**
јесѣт згола скѣзѣнѣ и мѣрзѣнѣ.
(ГИ, 10).

цѣрѣ → цѣри

свидѣтеле → свидѣтельнѣ

3. уживано правило

а) неразѣмно правило → ра-
зѣмно правило

Јзкерник вн. јмен м.

Всѣ јмена лѣпо и правилно се
творѣт на **ѠВ** и на **ѢВ** (ГИ,
13).

раб → рабѣ

П. ед. суц. м.

П. мн. суц. м., с.

формѣ на **Ѣ / И** → **Ѣ**

б) нестандартнѣ формѣ

парадигма ед. суц. с.

формѣ на **Ѣ** → **А**

формѣ на **И** → **Ѣ**

формѣ на **И** → **Ѣ**

Р. ед. суц. м.

формѣ на **Ѣ** → **А**

формѣ на **И** → **А**

И. мн. суц. м.

формѣ на **ЈѢ** → **И**

формѣ на **Ѣ** → **И**

правила отношенѣ форм:
употребительнѣ формѣ.

а) формѣ, порождѣющѣ омо-
нимѣю → формѣ, снимающѣ
омонимѣю

Р. мн. суц. м.

формѣ на **Ѡ** → **ѠВ / ѢВ**

Орѣдникъ въ именъ м.
Овогѣ прѣгнѣва кончинъ ясть
МИ. Али въимъ вногѣкратъ спу-
шцаѣетсе М, ако изъ кобжего
предложка или изъ јније рачи
бѣдетъ мѣщъ разознатъ бѣ прѣ-
гнѣ отъ јменникъ. А бѣдетъ да
въ кожемъ мѣстѣ нѣбѣдетъ разо-
знанја и тѣмо ясть тѣрѣва изъ-
рѣщъ М (ГИ, 15).

брѣти → брѣтми
зѣ двѣми брѣти

Придѣвникъ јед. именъ н.
Въ петомъ ѣзбѣрѣ липо изри-
каѣемъ придѣвникъ на Ѣ. Али въ
шестомъ ѣзбѣрѣ не творимъ на
Ѣ, но лише на И. Да бѣдетъ
рѣзницѣ отъ јменникъ и отъ кро-
зникъ. Каѣ се изрикаѣетъ на Ѣ
(ГИ, 26).

при лицѣ
при лицѣ → при лица
б) особито правило →
овично правило

Противникъ јед. именъ м.
Бѣ прѣгнѣва јмаѣетъ двѣ кончи-
ни, једнѣ на Ѥ, а дрѣгѣ на
ОВИ, ѢВИ. Хервѣти николѣж
неѣживѣѣѣтъ тоѣ кончинѣ на
ВИ и за кмѣтскѣ јѣ почи-
тѣѣѣтъ (ГИ, 9).

рѣбови → рѣбѣ

Именникъ въ именъ м.
А по извѣткѣ и по при прѣс-
томъ изрѣкѣ двоѣскладни
јменникѣ преминѣѣѣтсе на
ОВѢ и на ѢВѢ (ГИ, 10).

рѣбове → рѣви

Г. мн. суц. м.
формы на Ы → МИ

П. ед. суц. с.
формы на Ъ → Ъ / И

б) формы, порождающие си-
нонимию → формы, сни-
мающие синонимию

Д. ед. суц. м.
формы на ОВИ / ѢВИ → Ѥ

И. м.. суц. м.
формы на ОВѢ / ѢВѢ → И

Система форм, получивших в результате проведенного Ю. Крижаничем критического анализа статус правильных форм русского языка, может быть представлена в итоговой таблице:

Падеж	1, 2 склонения	5, 6 склонения	3 склонение	4 склонение
	типы врат / краль	типы лгто / лдце	тип рица	тип рич
Ед. ч.				
И.	∅	о/в	а	∅
З.	в/у	о/в	о	∅
В.	а, ∅	о/в	у	∅
Р.	а	а	и	и
Д.	у	у	ь	и
П.	ь	ь/и	ь	и
Т.	ом/ем	ом/ем	оу/еу	у
Мн. ч.				
И.	и	а	и	и
В.	и или е	а	и	и
Р.	ов/ев	∅	∅	ь
Д.	ом/ем	ом/ем	ам	ем
П.	ьх	ьх	ах	ех
Т.	ми	ми	ами	ми

Таким образом, предложенная система именных форм, диагностическими признаками которой были генетическая «чистота», употребительность, стандартность и невариативность, соответствовала теоретическим требованиям, предъявляемым Ю. Крижаничем к русскому литературному языку, призванному служить делу славянского просвещения и конфессионального единения.

Декларированные теоретические положения и концептуально упорядоченный языковой материал Ю. Крижанич помещал как в общеевропейский, так и в собственно русский метаязыковой контекст XVI–XVII вв., полагая, что его грамматические опыты являют собой и традицию («преже нас овличіша јни Критици јли Граматически разсудници» Об., 57) и определенную новацию («поддју дѣло разумним льудем на срд» Об., 28).

Так, провозглашая идею генетической и структурной «чистоты» литературного языка, Ю. Крижанич ссылался на лингвистические опыты Ж. Скалигера (*De causis linguae Latinae*, 1540, 1580, 1623. Прим. мое. – Н.З.) и Г. Кнапского (*G. Snaepius. Thesaurus polono-latino-graecius. Cracoviae*, 1643. Прим. мое. – Н.З.): «преже нас овличіша Скалигер... и

јни Критици... ј Кна́пскиъ Григѣръ... о томъ нѣшто споминаетъ... ми неовзѣраемъ на правила, бѣдъ Грѣческа, бѣдъ Латѣнска, бѣдъ Лѣшка, него паче да смотрѣмъ вѣздѣ на властѣтостъ своегоъ јзѣка». Об., 57.

Включая свое грамматическое сочинение в русскую языковую ситуацию, Ю. Крижанич вступал в своеобразную полемику с М. Смотрицким, что делало его грамматику метаязыковой репликой на грамматику М. Смотрицкого (Грамматѣки Главѣнскиа правѣльное Синтагма), первоначально изданную в Юго-Западной Руси (1619 г.)¹¹, а затем принятую в основных своих параметрах и в Московской Руси (1648 г.)¹². Соглашаясь признать лингвистическое усердие М. Смотрицкого, Ю. Крижанич отрицал концептуальные основы его грамматики, реализовавшей принципы *ad modum* и *ad fontes* и тем самым кодифицировавшей книжный церковнославянский язык, соотнесенный с классическими языками, максимально дистанцированный от разговорного языка и обладавший усложненной структурой, требовавшей языковой эрудиции¹³:

«Мелѣтнь Смотрицкскѣ дльради своегоъ трѣдольбеја и дльа печальности, кбѣѣ јестъ носѣл про бещенѣ побзѣ, пишѣщъ Грамматѣкѣ, достбѣен јестъ пѣмѣти и вногѣје хвалѣ: и бѣлъ ен доспѣлъ вѣщи нарбѣдѣ посбѣнѣје, даен се нѣбѣла соблазнѣл по обзбѣрѣ на Грѣцскѣје превбѣдѣ: и даен нѣбѣла захотѣлъ нашегоъ јзѣка на Грѣцскѣје и на Латѣнскѣје ѣзбѣри прѣтварјѣтъ Овѣ ѣво всѣјѣ причѣнѣ ја вногокрѣтъ размишльѣјѣщъ и просѣждѣјѣщъ, јѣже давнѣје отъ двадѣсѣти лѣтъ, начѣлъ јесѣмъ дѣмѣтѣ и трѣдѣтсе въ јзѣка изправльѣнѣјѣ» (ГИ, V).

Необходимая «правильная» грамматика русского языка представлялась Ю. Крижаничу как грамматика, кодифицировавшая «простой» литературный язык, принципиально самодостаточный, минимально дистанцированный от живого языка и имевший более простую структуру, доступную для понимания людей «непросвещенных». Анализируя книжный язык, Ю. Крижанич фактически работал над исправлением системы грамматических форм, кодифицированных М. Смотрицким, что видно из соположения фрагментов грамматики М. Смотрицкого (1619 г.) и грамматики Ю. Крижанича.

М. Смотрицкий

(1619)

Уровень грамматических категорий

категория рода (проблема «общего рода»)

Общѣагѣ рѣда ѣмена сѣтъ.
Гѣже ѣдѣнымъ ѣконченѣемъ
мѣжескѣи и женскѣи поблѣ
знаменѣютъ, ѣкѣ, тѣи ѣ тѣл
члѣкѣ, сѣдѣ, вѣнѣ, вѣи,

Ю. Крижанич

(1666)

Смотрицкскѣ вѣичѣтъ нашъ
јзѣкѣ, да ен спѣдбѣенъ бѣлъ бо
всѣмъ Грѣцкомѣ и Латѣнскомѣ.
Јѣдѣщъ јѣже въ онѣхъ јзѣкѣхъ
јесѣтъ нѣка јмена двојѣго

БОЖДЪ, ОУЖИКА, СВѢДИТЕЛЬ,
ВОЕВОДА, ТАТЬ, ПІАНИЦА (28).

ПЛѢМЕНА \мѢЖСКОГО И ЖѢНСКОГО\,
ПОТОМУ́ ЈЕСТ ОН И ВЪ НАШЕМ
ЈЕЗИКУ НИКА ЈМЕНА ПОСТАВИЛ
ДВОЈЕПЛѢМЕННА. СЕ ЈЕСТ, ВОЈВОДА,
СВѢДИЈА, ВОЬНИ, ПИЈАНИЦА... АЛИ
ВЪ ТОМ ЈЕСТ ИЗЈАВЕН ПОВЛѢДОК,
АБО ВОЈВОДА, СВѢДИЈА, ВОЬНИ,
НИКОЛИЖ НИСУТ СЛИШЕНА ВЪ
ЖѢНСКОМ ПЛѢМЕНѢ. А ПИЈАНИЦА У
СЛОВИИЦЕВ НИКОЛИЖ НЕСЛИШЕНО
ВЪ МѢЖСКОМ, НО ЛИШЕ ВЪ ЖѢНС-
КОМ... ОБЛИЧАЕ ЛЕШЧИИУ И
НЕГОВОРІ, ОВ ПИЈАНИЦА, НО ОВ
ПИЈАНЕЦ, ОВА ПИЈАНИЦА, КАКОТ,
ОВ СТАРЕЦ, ОВА СТАРИЦА.
(ГИ, 21-22)

категория числа (проблема слов pluralia tantum)

ЕДИНСТВЕННАГУ И ДВОИСТ-
ВЕННАГУ ЛИШАЮЩАСЯ. ВЕРИГИ,
УТРЕБИ, ИЗГРЕБИ, АЖИНЫ, ЛАД-
ВИА, ВЕРЕА, УСТА, ВРАТА, ЛО-
ЖЕСНА, КЛЮЧА, НАЧАТКИ, ОМѢТЫ.

ОВ НАЧАТОК., ОМѢТ, ОВА ВЕРИГА,
ВЕРЕГА, УСТНА, ЈМАЈУТ ВСА ЧИСЛА,
СУПРОТ СМОТРИЦКОМУ, КАКЪ ИИМ
ДАЈЕТ ЈЕДИНО ВНОЖИИНО (ГИ, 31)

Уровень средств выражения

«заимствованные» формы

«исконные» формы

3. ед. суц. м.

УМЩЕТ И ТВОРИТЪ
СЛАВѢНСКОЕ ИМЯ МАРКО, ВОВСѢХЪ
ПАДЕЖЕХЪ ІАКЪ ПРОРОКЪ, РАЗВѢ
ЗВАТЕЛНАГУ НА \КУ, НЕ НА ЧЕ,
СУХОДАЩАГУ, СКЛАНЯЕМОЕ (76).

ПРЕВРАТНО ЛЕХИ ОТ КОИИИИ
К, ТВОРЕТ ЗОВНИК НА У. О
ПРОСТАКУ, О ЧЛОВѢКУ, О УЧЕНИКУ.
Ј СМОТРИЦКИИ ПИШЕТ, О МАРКУ.
РЕЦИ, О ПРОСТАЧЕ, О ЧЛОВѢЧЕ, О
МАРКО. (ГИ, 7)

И СЕ ДА ОУВѢСТСА, ІАКЪ
СВОБСТВЕННАА НА \АИ. УИ. И. ИИ
КОИЧАЩАСЯ \ЗВАТЕЛЕНЪ ЕДИН-
СТВЕНЪ ТВОРАТ ИСКРИИѢ НА \Е,
ЗВАТЕЛНАГУ ГРЕЧЕСКАГУ ОБЩАГУ
ОБЫЧАЕМЪ. ІАКЪ, НИКОЛАЕ, ТИМО-
ФЕЕ, ФАРИСЕЕ, ГРИГОРИЕ, ВАСИЛИЕ,
МЕЛИВИЕ (85).

ЈМЕНА ГРЕЧЕСКА, КОЈА У ГРЕКОВ
ЈДУТ НА ОВ, А У НАС НА АВ, БВ,
ІВ, ОВ... ВАУДАНО СЕ ТВОРЕТ У
НАС НА В, ЗАБ О НИКОЛАЕ. ПРАВО
ПИШИ. О НИКОЛАЈУ, О ГРИГОРИЈУ
(ГИ, 7)

неупотребительные
стандартные формы

употребительные
стандартные формы

Р. ед. сущ. ж., м.
И., З. мн. сущ. ж., м.

В. мн. сущ. ж., м.

Имена на \ жа. ца. ча. ша.
ща. на а чистое и на ъ чистое и
нечистое \ кончащааа
мужескаа творить родительный
единственный, именительный и
звательный множественный на \
и, женскаа на \ ъ, звательный на
\ е... Винительный множественный
мужескаа на \ ы и \ ъ (50).

Род. ед. Мрежа, Юноши
Имен. мн. Мрежа, Юноши
Вин. мн. Мрежа, Юношы,
Юноша

Смотряцьки овди чинят
разлучеје въ знаковницах,
илити въ конечних неглас-
ницах и велит, еже имена
имающа Тонкије знаковници,
чинят Јзерник на И... а
имена јдѹша на Шѹмније
знаковници, се јест Жа, Лѡа,
Нѡа, Ча, Шѡа, Ща, Ја, творѣт
Јзерник јединични \ и
Јменнѣж, да Зовник,
вножинније мужска на Ѣ, а
женска на Ѧ. Ѧ крозник
вножинни мужска на Ъ, или
Ѧ, а женска једно на Ѧ. Мѡ
пак такѡва прѡвила нехѡдим,
зѡто јез беснѡдѹ чинят
двојвенѹ, и неизразѹмнѹ, и
слишит мѣрзкѹ. Ѧбо гди јест
трѣба различно чинит
прѣгиѡм окончѡнје, тѡмо
нист разници, рѣкши меж
Јменнѣком Јединичним и меж
производним прѣгиѡм, кѡн
по тѡм прѡвилѹ вси једнѡкѡ
нзѡбѡдет на Ѧ, Једнѡ Дѹша,
кроз вѡгније Дѹша (ГИ, 18–
19)

Д., П. ед. суц. ж

Дат. Оказ. Дѣвѣ \ Мрежи

Опѣт на овом мѣстѣ
Лѣхи, Билорѣсјани и Смот-
рицкиѣ, чинѣт непотрибен
рѣзвѣр меж знаковницами и
при тонких изглашајѣт **ЇС**
или **С...** а при шѣмних
изглашајѣт **І**. Али пак нам
ниѣт пригѣдно такѣ во
развѣрднје, но паче всѣ
јмена сего прѣтвѣра могѣтсе
овдѣ кончит на **ѣ** (ГИ, 20).

неупотребительные
нестандартные формы

употребительные
стандартные формы

парадигма суц. ср.

Смѣтрицкиѣ клѣдет
особито прѣтвѣрднје. А по
Хервѣтскѣ прирѣсток ниѣт
овѣчен въ јединичном и во
двоичном числѣ, а во вно-
жинном изрикајѣт двојѣко
(ГИ, 24-25).

Числа јединственнагѣ

Имен. словесѣ или слѣво
Род. словесѣ
Дат. словесѣи
Вин. слѣво

Ово Слѣво
От Слѣва
Ко Словѣ

Зват. слово

Твор. словесѣмѣ
Оказ. словесѣи

Со Слѣвом
При Слѣвѣ

Множественнагѣ числа

Имен. словеса
Род. словесѣхъ
Дат. словесѣмѣхъ
Вин. словеса
Зват. словеса
Твор. словесы
Оказ. словесѣхъ

Слѣва и Слѣвеса
Слѣвѣ и Слѣвѣс
Слѣвом и Слѣвѣсом
Слѣвами и Слѣвѣсми
Слѣвѣхъ и Слѣвѣсѣхъ

парадигма суш. ж.

Лице, любовь \ или любви,
неплоды \ или неплоды, дщери \
или дщи, церкви \ или церкви,
кровь \ или крови, свекровь \ или
свекры.

Смотрящихъ велитъ прет-
варатъ имена \ корь, любовь,
церковъ \ jako МАТИ... Ова
двѣ ядѣтъ правнано по 4
ѣзбѣ.

Ова Любовь, Овије Любви
Отъ Любви, Любовь
Ко Любви, Любви
Со Любовью, Любви
При Любви Любви

Церковъ по третъемъ ѣзбѣ.
Церковъ, О Церковъ, Крозъ
Церковъ, Отъ Церкви, При
Церкви, Ко Церкви, Со
Церквью, Овије Церкви, Отъ
Церковъ, При Церквахъ, Ко
Церквамъ, Со Церквами. (ГИ,
29)

Р. ед. суш. м.

Всѣ на \ нь кончащася
склоненіа сего имени чистѣе
родительный единственный
сходити творятъ на \ е, нежели
на \ а, какъ, корень \ корень,
степень \ степене, камень \ не,
день \ дне, пламень \ не.

Путь пути, в родителномъ
един. и в винителномъ множ.,
ниже на пути (86).

Зжеръ камня, корень,
пламень, гортана, ремень,
степень, а не зжеръ камень,
корень, пламень, гортане, сте-
пене (ГИ, 7-8). Но: отъ дне.

Право речи. Тому пути
нигъ.

И мн. суш. м.

Именительный же
множественный на \ е. нежели
на \ а, какъ, камни, степени,
корени, дни, пламени (86).
пастыри или пастыре, матежи
или матеже, свидатели или
свидатели.

А иже кончини на Ж и
на Б ядѣтъ згола сказни и
мерзки. Пастыри, Свиди-
тели, Степени, Камени.
Право се велитъ, Пастыри,
Свидатели, Степени,
Камени, Дни (ГИ, 10-11).

употребительные
стандартные формы,
порождающие омонимию

употребительные
стандартные формы,
снимающие омонимию

Р. мн. сущ. м.

Род. мн. клеветѣ, шремѣ,
вбнѣ, прорѣкѣ, отѣцѣ,
чванецѣ.

дрѣгвѣ или дрѣгѣ, сынѣ
или сынѣвѣ, жрецѣ или
жерцѣвѣ.

Смотрѣцкѣ чинѣт сѣ
прѣгнѣ јменникѣ јединич-
номѣ сподобен. от Прорѣк,
от јарѣм, от вбнн, от
Римльди, от клеветѣ, от
отѣц, от ходатаѣ, јерѣѣ,
мравнѣ, знѣѣ, крагѣѣ,
лъѣводѣѣ. А от никѣих
чинѣт двѣ кончинн. от тѣх
дрѣг и дрѣгѣв, от дѣм и
домѣв, от сѣн и синѣв, от
грѣх и грѣхов, от жрец и
жерцѣв, от врач и врачѣв, от
свѣдѣтель и свѣдѣтельѣѣ.

Всѣ јмена пѣрвого и
втрѣрого прѣтворѣ лѣпо и
правнано се творѣт на Ѡв и
на Ѡв (ГИ, 13–14).

Создавая грамматику, в рамках которой реализовалась открытая критика грамматики М. Смотрицкого как лингвистического репрезентанта восточного типа просвещения, Ю. Крижанич оказывался в своеобразной оппозиции к московским книжникам, считавшим грамматику М. Смотрицкого фактом лингво-культурного пограничья и стремившимся, наоборот, снять в грамматике признаки западно-европейской лингвистической ориентации. Так, например, московские книжники заменили авторское предисловие М. Смотрицкого, написанное на «простой мове», анонимным предисловием, представлявшим собой «цитатное поле», освященное именами Афанасия Великого, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и Максима Грека, вводя тем самым издаваемую в Московской Руси грамматику а авторитетную устойчивую греко-славянскую метаязыковую традицию. Защищая «достоинство» книжного церковнославянского языка как языка, обладавшего структурно-функциональным совершенством, московские книжники в процессе исправления кодифицированной М. Смотрицким системы грамматических форм ограничились элиминацией лишь ряда неупотребительных форм, порождающих омонимию или синонимию.

М. Смотрицкий (1619)	Московские книжники (1648)	Ю. Крижанич (1666)
Ы/Ѧ, И	Р. ед. сущ. ж., м. Ы/И	И
Ы/Ѧ, И	И. мн. сущ. ж., м. Ы/И	И
Ы/Ѧ, Ѧ или Ы	В. мн. сущ. ж., м. Ы	И
Ы/Ѧ	В. мн. сущ. м. Ы/И	И
И, ѠѠ/ѠѠѠ, їѠ, Ѡ	И. мн. сущ. м. И, ѠѠ/ѠѠѠ, їѠ	И

Осуществленное Ю. Крижаничем «граматично радѣнїе», было направлено на активную реализацию в библейских текстах, книжный язык которых был далек от совершенства: *До сіх во врїмєн во свѣтом бѡжїем писмѣ и всѣкнх превѡдєх нѣшнх вѣ нїкѡнх мїстєх внѡго јєст рїчєѣ, а мѣло рѣзѣма*» (ГИ, V). Культурно-языковое разрешение на исправление библейских книг для достижения их адекватного понимания Ю. Крижанич, как и подобало иезуитскому миссионеру, подтверждал ссылкой на языкотворческую деятельность Блаженного Иеронима, осуществившего перевод Библии на латынь: «Грамаѣично радѣнїє... вѣт потрѣбно... како влѣженнѣ Јерѡнїм велѣт: Нєспѡдѡбитєє возгордѣѣт мѣлнх вєщєѣ, бєз кѡбнх велїкї обстѡјѣт нємѡгѣт» (ГИ, V).

Стремление непосредственно скоординировать систему кодифицированных форм и императивные конфессиональные тексты обусловило своеобразную "справу", псалмов, имплицированную в правилах. Подвергшиеся исправлению грамматические формы совпадают с формами из Псалтыри в составе Острожской Библии (1581 г.)¹⁴, на которую ссылался Ю. Крижанич в своих сочинениях: «Бѣлорѣсцѣ при тїсковѣннї Бївѣлнн... много прѣмѣнѣнїє ѣнїнїшѣя»¹⁵, «Священное писмо словенское токмо единожды уже давно есть печатано в Остроже» (Об. 29, 30), что позволяет сравнить примеры из Острожской Библии и грамматики Ю. Крижанича.

Острожская Библия
(1581)

неупотребительные
стандартные формы

Книжная справа
Ю. Крижанича
(1666)

употребительные
стандартные формы

В. мн. сущ. м.

пс. 50 възложатъ на олтарь твой телца	возложѣт на олтарѣ твоѣ телци [телце]
пс. 134 ѿ избѣи црѣи крѣпки	Ѿ избѣи царѣи крѣпкѣи

Р. ед. сущ. ж.

пс. 19 спсѣнїе деснїца єго	Спасѣнїе деснїци єго
пс. 129 Ѥстража оутренна	Ѥстражи ѹтреннїе

В. мн. сущ. ж.

пс. 106 веревъ желѣзныхъ словѣи	Верѣи желѣзнїи словѣи
пс. 18 обращѣа душа	Обращѣаѹщ дѹши
пс. 17 молїиѣ оумножи	Молїиѣ ѹмножи

неупотребительные
нестандартные формы

употребительные
стандартные формы

И. мн. сущ. м.

пс. 103 свѣдѣнїе дѹшавнїи	свѣдѣнїи
пс. 26 свѣдѣтеле	свѣдѣтели

Обращение Ю. Крижанича к Острожской Библии также включало его лингвистическую деятельность в языковую ситуацию Московской Руси, т.к. московские книжники при подготовке к печати нового варианта Библии (Библия 1663 г.)¹⁶ правили Острожскую Библию, руководствуясь установками грамматики 1648 г.¹⁷ Таким образом, Ю. Крижанич, исправляя текст Псалтыри, вносил свой вклад в общий процесс книжной sprawy в Московской Руси, который контролировался духовной и государственной властью: необходимо было устранить «шатост... кнѣижнихъ преводовъ ко ѹпокрѣненїѹ народнихъ съсѣр и црковного раздѣра» (ГИ, V).

Острожская Библия
(1581)

Библия (1663)

Книжная справа Ю.
Крижанича (1666)

неупотребительные
стандартные формы,
порождающие
омонимию

употребительные
стандартные формы,
снимающие омонимию

В. мн. сущ. м.

пс. 50 телца	тельцы	телци [телце]
	Р. ед. сущ. ж.	
пс. 19 деснїца	деснїи	деснїи
	В. мн. сущ. ж.	
пс. 106 веревъ	веревѣи	верѣи

неупотребительные
нестандартные формы,
порождающие синонимию

употребительные
стандартные формы,
снимающие синонимию

И. мн. сущ. м.

пс. 103 звѣрїе

звѣри

звїри

употребительные
нестандартные формы,
порождающие синонимию

употребительные
стандартные формы,
снимающие синонимию

Р. ед. сущ. м.

пс. 113 домѣ

домѣ

дѣма

И. мн. сущ. м.

пс. 4 снѡвѣ

снѡвѣ

снни

Грамматические изыскания Ю. Крижанича не остались незамеченными московскими книжниками, о чем свидетельствуют списки его грамматики, находившиеся в самых авторитетных частных книжных собраниях, владельцы которых принимали непосредственное участие в процессе книжной sprawy. Так, например, белой список грамматики Ю. Крижанича хранился в библиотеке Никифора Сименова, ведущего справщика и переводчика Печатного двора, автора лингвистического сочинения «О справах книжных и силах»: в росписи его книг были особо отмечены «три книги писменные Сербина Юрья бѣлика, въ томъ числѣ книга Грамматика въ дестъ»¹⁸.

Создавая свои лингвистические труды для «рассмотрѣнїа лѹдѣѣ рѣзѹмнїх» (Об., 28), Ю. Крижанич, обладая панорамным мышлением, реально способствовал языковой встрече двух культур – Slavia Orthodoxa и Slavia Latina. В этой перспективе Ю. Крижанич вряд ли может быть назван «неудачником и мучеником своих благородных увлечений»¹⁹, а его лингвистические сочинения «недоразумением», ибо «такого рода недоразумения суть едва ли не обязательное условие разумения при встрече различных культур; если бы не было взгляда извне, которому все видится несколько иначе, чем взгляду изнутри, не было бы и встречи»²⁰.

*«Общеславянский» литературный язык XIX в.:
модель М. Маяра*

В XIX в. с л а в я н с к и й в о п р о с приобрел этнический характер, ибо его содержанием стала идея кровного единства славян, идея «всеславянства» и его мирового признания.

Национальные и этнические принципы, во имя которых защищались и освобождались слабые и угнетенные народы, стали ведущими ориентирами для всего европейского общества. В эту эпоху представления о едином человечестве сменялись представлениями о множественности культурно-исторических типов, а всемирная история

сменялась историями отдельного и независимого развития данных типов. При этом в ранг культурно-исторического типа могло быть возведено лишь такое объединение народов, которое обладало «отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой, для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий»²¹.

Способность именно языка стать диагностическим признаком существования культурно-исторических типов определялась тем, что язык вступал в отношения взаимодополнительности с человеком — народом, нацией. Такое необходимое "со-бытие" языка и человека было мотивировано глубинными изменениями в структуре познания, заключавшимися в том, что язык стал одним из объектов познания, т.е. познать язык значило теперь применить общие методы знания в особой предметной области.

Утрата языком привилегированного положения в структуре познания компенсировалась тем, что каждый конкретный язык, имевший бытие и историю, обретал самоценность, нуждаясь лишь в ее "раскрытии" посредством анализа. Принципиальная установка на самодостаточность и собственную ценность каждого языка заменяла функциональную иерархию языков их функциональным соположением во времени и пространстве. Только предустановленное соположение языков давало возможность сравнивать языки, т.е. мыслить их внутренние структуры во взаимоотношении. Само сближение-сравнение языков определяло их структурную "прозрачность", позволяя дифференцировать общие и локальные, стандартные и нестандартные языковые элементы, в которых прочитывалось структурное прошлое и прогнозировалось структурное будущее. Усилившаяся при этом этнолингвистическая рефлексия не только "раскрывала" сходства языков, находившихся в "братском времени и пространстве", но и "развивала" эти сходства. Так, посредством проведения сравнительно-исторической селекции и контаминации языковых элементов мог осуществляться переход от прерывной языковой совокупности к непрерывной, т.е. переход от группы родственных языков к единому "общему" языку. Выявляемый в процессе сравнительно-исторического анализа состав языковых элементов и характер их отношений в пределах отдельно взятого языка, в пределах группы родственных языков или в пределах моделируемого "общего" "макроэтнического" языка фиксировался в грамматических сочинениях, представлявших собой своеобразные научно-дидактические обзоры.

Таким образом, и в новых условиях «"всеславянское пространство встречи" первоначально должно было стать "пространством языка": родственных языков → "общего" языка, чтобы затем стать самоценным "культурно-историческим пространством"».

Этнически мотивированные панславистические лингвистические теории предполагали либо искусственное создание "общеславянского" литературного языка (см., например, грамматика Я. Геркеля "Elementa universalis linguae slavicae e vivis dialectis eruta et sanis logicae

principiis suffulta" 1826), либо возведение в ранг "общеславянского" русского литературного языка, поскольку "русское племя – самое сильное, литература – самая богатая и язык – самый всеславянский" (см., например, теоретические статьи Л. Штура, М. Гатталы, К. Кузмани, Ф. Подгорника, А. Добрянского, В. Ламанского и др., а также грамматика А. Пухмайера "Lehrgebäude der russischen Sprache" 1818)²². Концепция искусственного "общеславянского" литературного языка получила наиболее последовательное выражение в лингвистических сочинениях словенца М. Маяра²³, написавшего трактат *Pravila kako izobraževati ilirsko narječje i u obče slovenski jezik* (1848) и грамматику "взаимнославянского" языка *Uzajemni pravopis slavjanski to je: Uzajemna Slovnica ali mluvnica Slavjanska* (1865)²⁴.

Само название основного грамматического сочинения М. Маяра позволяет реконструировать доминанту его языковой и метаязыковой рефлексии, а именно идею возможного "построения" "общеславянского" литературного языка. Последовательно развивая мысль о "всеславянской" языковой реализации, М. Маяр призывал славянских писателей "писать взаимно" ("Pisati uzajemno je prepolezno, prekoristno i neobhodno potrebno" [УП, 11]). Отвечая на вопрос, "что значит писать взаимно", М. Маяр объяснял, что писать взаимно значит писать на современных славянских литературных языках так, чтобы они постепенно сближались и уподоблялись друг другу ("Pisati uzajemno se pravi: pisati v dosadajnih književnih jezikih pa tako, da se oni po malu bližajui med seboj podobnejši prihadjaju..." УП, 5). Возможность структурного сближения и уподобления славянских литературных языков была, по мнению М. Маяра, мотивирована историей славян, имевших в истоке единый старославянский литературный язык, а также современным функциональным равенством сложившихся национальных литературных языков. Свою собственную лингвистическую задачу М. Маяр видел лишь в том, чтобы создать механизм, облегчавший сближение и уподобление языков.

Предложенный М. Маяром порождающий механизм "взаимнославянского" языка может быть реконструирован как сравнительно-историческая селекция языковых элементов, реализованная на материале русского, сербохорватского, чешского и польского литературных языков. В результате проведенной селекции статус структурно-образующих "взаимнославянских" языковых элементов получили формы, передающие общую для культурно доминирующих языков грамматическую семантику и демонстрирующие оправданную историей стандартность и употребительность: 1. общие стандартные формы, поддержанные языковой традицией ("one, koje su obične vsemu slavjanskomu narodu ali večjej njegovoj straně" УП, 12); 2. локальные стандартные формы, мотивировавшие "включение" во "взаимнославянском" языке механизма контаминации ("one, koje su obične v Slaviji, samo da je v nekojih krajih obična i navadna jedna, v drugih druga... spisovatelj si može svobodno izmed nju izbrati onu, koja se njegovomu narječju bolje prileže ali obě" УП, 12).

Соответственно не получили доступа во "взаимнославянский" язык

формы, нарушающие общую семантическую дистрибуцию или порождающие синонимию при передаче общей семантики: 1) формы "protivi značaju jezika slavjanskoga", 2) общие и локальные нестандартные формы, заданные традицией ("one, koje su nedoslédne i neslovospitne").

Соединение результатов сравнительно-исторической селекции и контаминации языковых элементов должно было привести к образованию единой структуры, принципиальная гибридность которой может быть определена как "горизонтальное соединение" языковых элементов соположенных систем:

русский язык + сербохорватский язык + чешский язык + польский язык.

Реконструированные общие теоретические установки, положенные М. Маяром в основу создания "взаимнославянского" литературного языка, могут быть верифицированы также на материале имен существительных.

Имя существительное как лексико-грамматический класс слов "взаимнославянского" языка обладало грамматическими категориями рода, одушевленности/неодушевленности, числа и падежа. Склонение как изменение по падежам и числам было представлено четырьмя формальными классами: 1 склонение – сущ. м., 2 склонение – сущ. с., 3 склонение – сущ. ж. и м., 4 склонение – сущ. ж.

Дистанция между избранными языками проявлялась на уровне грамматических категорий в объеме реализации грамматической категории одушевленности/неодушевленности и в реализации грамматической категории лица. Поскольку данные славянские языки получали общее формальное выражение грамматической категории одушевленности/неодушевленности только у сущ. м. в грамматической позиции В. ед., расширение сферы реализации данной категории за счет грамматических позиций Р. ед., Д. ед., П. ед., И. мн., В. мн., а также реализация грамматической категории лица были недопустимы во "взаимнославянском" языке.

Основные "взаимнославянские" правила могут быть представлены как единый комплекс и снабжены комментарием, переводящим правила в систему современных научных координат.

pravilo uzajemno:

Pišuč uzajemno skladnjaja statna imena osobna ali neosobna, životna ali bezživotna, pravilno v jednotnom pade 2 na – A, v pade 3 na – V, v pade 6 na – Ъ, v pade 1 mn. na (Ь)I

Ruskopoljsko stavljane pada

(чешский язык)

И.мн. сущ. м. формы на I,
OVI/Y → (Ь)I

Р. ед. сущ. м. формы на
A/U → A

Д. ед. сущ. м. формы на
OVI/U → V

П. ед. сущ. м. формы на
U/E → Ъ

(русский язык)

2 mesto 4 se sovsēm protivi značaju i duhu jezika slavjanskoga (VII, 110, 120–121)

В мн. сущ. всех родов формы на ОВ/Ы → І

(польский язык)

В мн. сущ. м. формы на ОW/Y → І

Снятие дистанции на уровне средств выражения происходило за счет элиминации общих и локальных нестандартных грамматических форм, порождающих синонимию.

Сравнительно-историческая селекция именных грамматических форм

1. Pravila uzajemna (sklanja na U, sklanja prirastkova)

правила отношения форм:
общие нестандартные → общие формы

стандартные формы

pravilo A:

Koliko zaběgaš v jednotnik na OУ, řědčeje, toliko pišeš pravilněje (pad 2 na – A, pad 6 na – Ъ) (VII, 94–96)

(все языки)

Р. ед. сущ. м. формы на У(U) → А

П. ед. сущ. м. формы на У(U) → Ъ

pravilo B:

Delaj pišuč uzajemno pad 2 množni v obče s prirastkom, vse ostale pade bez prirastka (pad 3 jeden. na У, pad 1 mn. na (Ь)І)

(чешский, польский язык)

Д. ед. м. формы на ОVI (OWI) → У

И. мн. формы на ОVE (OWE) → (Ь)І

2. Pravila uzajemna

правила отношения форм:
локальные нестандартные формы

общие стандартные формы
(польский язык)

Sklanjaja statna imena v vsěh padih i čislih doslědno po toj istoj sklanji i po tom istom priměřě, k kteromu statno pridnaleži glede na pad 1 jednotni – brez ostudnoga preskakivanja v srědě sklanje v druhu, iz tverdoga priměra v mehek ali na opasko (VII, 113–117)

И. мн. сущ. м. формы на А → (Ь)І

Р. мн. сущ. ж. формы на ОW → Ø

Д. мн. сущ. ж. формы на ОM → АM

Т. мн. сущ. ж. формы на І → АMІ

Система полученных в результате сравнительно-исторической

селекции "взаимославянских" именных форм может быть представлена в виде итоговой таблицы:

	1 склонение сущ. м.	2 склонение сущ. с.	3 склонение сущ. ж. и м.	4 склонение сущ. ж.
	Ед. ч.			
И.	∅	о/ѳ	а	∅
Р.	а	а	і/ѳ	і
Д.	ү	ү	ѳі	і
В.	а, ∅	о/ѳ	ү	
З.	оү, ѳ		о/ѳ	і
П.	ѳ, і	ѳі	ѳі	і
Т.	ом/ѳм	ом/ѳм	ү	ү
	Мн. ч.			
И.	і	а	і/ѳ, ѳ	і
Р.	об/ѳв, ѳі	∅	∅	лі
Д.	ом/ѳм, ам	ом/ѳм, ам	ом, ам	ѳм, ам
В.	і/ѳ, ѳ	а	і/ѳ, ѳ	і
З.	і		і/ѳ, ѳ	і
Т.	іх, ах	іх, ах	ах	ѳх, ах
П.	і	і, амі	амі	мі, амі

Предложенная система именных форм, диагностическими признаками которой были генетическая общность, стандартность и мотивированная вариативность, соответствовала общим теоретическим установкам М. Маяра, определявшим суть "взаимославянского" языка, призванного стать маркером "всеславянства" как самобытного культурно-исторического типа.

Проведенное исследование показало, что порожденные в разных хронологических и локальных пространствах модели "общеславянского" литературного языка не были периферийными прорывами в прошлое, не нашедшими резонанса в своем времени, а наоборот являлись репрезентантами тех духовных эпох, когда "человеческий мир сближается не только в перспективе будущего, но и с точки зрения ретроспективного культурно-исторического анализа"²⁵.